

Пузанко Л. В.

МОДАЛЬНЫЙ КОНТАКТ ЧТО-ВОПРОСА И ЧТО-ПРИДАТОЧНОГО ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОГО (ОПЫТ ВНУТРЕННЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СОЮЗА)

Анализ семантической структуры союза необходимо предварить несколькими теоретическими положениями, являющимися базовыми для нашего исследования.

Во-первых, мы соглашаемся с тем же учеными, которые считают служебные единицы носителями «индивидуального» лексического значения.

Положение о служебных словах как о лишенных семантики и даже грамматикализованных единицах традиционно господствует в лингвистике. Союзы изначально рассматриваются в качестве синтаксических скреп [1]. М.Н. Преображенская пишет следующее о союзах: «Речь идет о служебных средствах, вообще не специализирующихся для выражения каких-либо смысловых отношений, а функционирующих в качестве знаков, которые лишь сигнализируют о наличии синтаксической связи между конкретными предикативными единицами текста» [2, с.94].

По другой существующей в современном языкознании точке зрения лексическое значение союзов совпадает с их грамматическим значением [3;4]. И основным доводом в пользу данного утверждения остается все та же формула – «связочные слова не «материальны», а формальны [3, с.35].

Согласно третьему взгляду на служебные слова, союзы, как и полнозначные единицы, обладают лексическим и грамматическим значениями. Взятые вне контекста, они «несут в себе общую идею определенных отношений, заключающуюся в семантике каждого из них» [5, с.6]. Ученые, защищающие «семантическую полноценность» союза, в качестве ядерной семы в семной структуре данных языковых единиц называют *отношение*. Понятие *отношение* имеет гетерогенную структуру и представлено многочисленными языковыми средствами. Лексические единицы, выражающие *отношение*, могут обладать разной степенью абстрактности. И.А.Киселев справедливо отмечает, что «если значения отношения не считать лексическими, то в таком случае логически последовательно было бы признать отсутствие лексического значения и у многих знаменательных слов, например, у существительных *отношение, соотношение, связь* и т.п., что, однако, не может быть принято, но тогда следует признать бесспорным и тот факт, что служебные слова имеют самостоятельное лексическое значение, хотя оно и находится на ином уровне абстракции по сравнению со словами знаменательными» [6, с.50]. Союзы, как и все лексико-грамматические классы русского языка, имеют общие лексические значения, «определяющие общий характер логико-смысловых отношений между соединяемыми ими синтаксическими единицами», и частные («индивидуальные»), «т.е. те значения, которыми данный союз отличается от других

союзов той же функционально-смысловой группы” [7, с.8]. Необходимо отметить, что подобная точка зрения обязывает лексикографов включать союзы в качестве самостоятельных лексем в число объектов словарного описания.

Таким образом, мы в данной работе будем придерживаться следующей трактовки грамматического и лексического значений: грамматическим признаком союза является указание на связь между синтаксическими единицами, а лексическим – выражение смысловых отношений определенного типа между синтаксическими единицами, выводимых как из контекстного окружения, так и без него.

Во-вторых, невозможно в семантической структуре слова изучать только денотативные свойства (разной степени обобщенности), не замечая прагматические, субъективные, экспрессивные, или «установочные», компоненты значения (как их называют Е.В. Падучева [8], И.М. Кобозева [9] и др.).

Когнитивный аспект исследования союзной лексики основывается на рассмотрении союзов как единиц, совмещающих в своей смысловой структуре отношение между соединяемыми фрагментами информации и отношение говорящего к этому отношению. Союзы в последние десятилетия анализируются как знаки коммуникативного переключения, по выражению Г.А.Золотовой. Союзные единицы служат средством взаимодействия внешней точки зрения и внутренней точки зрения говорящего, перехода от статики к динамике и, наоборот, перехода от информации о речевой или мыслительной деятельности к ее конкретному содержанию [10, с.361-362]. Следовательно, прагматический компонент участвует в формировании значений союза, особенно «индивидуального». Поэтому частные значения всегда гибки, зависимы от контекста. В то же время они обязательно отражают стандартное поведение слова, его типичные свойства, потому что прототипическое значение союза, относительно которого идентифицируются частные значения, регламентирует количество сценариев, в которых может участвовать данный союз, и, как следствие, контролирует число контекстно обусловленных значений. Таким образом, анализ семантической структуры союза должен учитывать не только осмысление денотативных свойств языковой единицы, но и ее когнитивный потенциал.

В-третьих, в настоящее время известны серьезные исследования, сделанные в области внутренней семантической реконструкции служебных слов (можно назвать исследования по семантике предлога – Д.Пайар, О.Н.Селиверстова, Е.В.Рахилина и др. [11], исследования по семантике частиц – Т.М.Николаева [12], Г.Е.Крейдлин [13] и др.). Но до сих пор в семной структуре производной служебной единицы не было определено место компонента, объединяющего трансформант с материнской лексемой: в основном и в частных значениях каждой единицы; тем более, такие компоненты не были описаны; не рассмотрены сети частных значений с позиции сохранения у них признаков «фамильного сходства». Поэтому тезис о существовании на «генном» уровне у служебных единиц (и вообще у любых функциональных омонимов) признаков исходных единиц будет следующим нашим базовым положением.

Таким образом, в ходе исследования мы будем придерживаться принципа, согласно которому все наблюдаемые контекстные проявления исследуемой

языковой единицы (речь идет о производной единице) могут быть выведены из единого абстрактного «сценария», базирующегося на семантическом своеобразии исходного слова.

Существующие теории языковой модальности концентрируются вокруг двух основных типов модального значения – «объективного» и «субъективного». Модальность в языке, по общему мнению, передает многочисленные значения, связанные и с отношением говорящего к содержанию высказывания (субъективное значение), и с характеристикой высказывания по его связи с отображаемой действительностью (объективное). Между этими двумя типами невозможно провести четкую границу, так как все множество языковых средств, выражающих модальность, согласуется по замыслу автора только на уровне предложения.

В семантической структуре предложения выделяют языковые единицы, отвечающие за информационную полноту и воссоздающие определенные сегменты действительности. Существует и второй тип языковых элементов, способствующих обработке, организации и использованию представленной информации, согласно внутренней картине мира говорящего. Эти слова приводят в соответствие психологический контекст с конкретной интерпретацией. Без них невозможно установить, что существенно, а что нет в данной ситуации. Анализируемые нами единицы – и вопросительное местоимение, и союз – являются знаками, воссоздающими предметно-познавательную деятельность человека и выражающими релевантность выбора говорящим языковой формы, в соответствии с конкретной ситуацией и замыслом субъекта речи. Так, «союзы существенны при ограничении интерпретационного процесса, то есть редуцируют множество допустимых интерпретаций» [14, с.23].

Ш. Балли предложил для двух слагаемых значения предложения названия диктум (пропозиция) и модус. Пропозиция – способ представления какой-либо ситуации или положения дел. Модус – то, ради чего актуализирована информация о данном событии, а именно иллокутивное предназначение. Последнее предполагает воздействие на эмоции или воображение слушающего с определенной целью – экспрессивной, апеллятивной, оценочной, иллокутивной.

В вопросительных структурах отношение говорящего выражается посредством выбора «режима» речевой деятельности, а именно интеррогативности (а не ассертивности или императивности), и специальных грамматических средств. Таким образом, вопросительное местоимение эксплицирует модус даже в самой нейтральной речевой ситуации. Так как местоимения не только выполняют дейктическую функцию обозначения коммуникативного акта, но и обозначают особым, прономинальным, способом явления действительности [15], в семантической структуре прономинатива онтологические знания – о действительности – сосуществуют с интенциональными знаниями субъекта о мире.

В сложноподчиненных предложениях с *что*-придаточными главная часть содержит модус, а придаточная – диктум [16, с.46]. Подобное мнение совпадает с выводами Г. Фреге. По теории Г. Фреге, определение истинностного значения сложноподчиненного предложения с глаголами пропозициональной установки возможно только при его интерпретации. Предложения типа *считать, что, видеть,*

что, говорить, что и др. (аналогично с глаголами *радоваться, жалеть, порицать, бояться* и др.) представляют контексты пропозициональных установок. Связано это с эксплицитным раздельным выражением субъективного и объективного – субъекта пропозициональной установки и ее объекта-содержания [17]. Знаком, соединяющим модусную часть предложения с его пропозицией, является союз. Сложноподчиненные конструкции называют «референциальными темными», или «интенциональными», потому что, по Г. Фреге, в них нарушается принцип подстановочности тождественного. Это обозначает, что предикат пропозициональной установки соответствует индивиду, существующему в одном из возможных миров, представленному в главной части, к интенционалу, а не в действительном мире, «как аргументы обычных предикатов» [18, с.17]. Структуры с местоименным вопросительным средством, так называемые частные вопросы, в которых вопросительные прономинативы, в соответствии с обычным правилом подстановки, ясно указывают референт, называют «референциально прозрачными».

Необходимо добавить, что и диктумная, и модусная части рассматриваемых структур могут быть осложнены модальными коннотациями (частицами, вводными словами и под.). Е.В.Падучева назвала их импликатурами дискурса [8, с.225].

Вопросительное местоимение *что* предназначено для представления в языке всего, что может быть охвачено понятием «предметность», в том числе слово может обозначать глобальные понятия физического и ментального мира [19, с.6]. Ср.: *-Что за зверь? – Сорока; Что ты хочешь? – Погреться...; - Что случилось? – Свадьба закончилась* [Вампилов]. Оно актуализирует в процессе общения информацию о действительности – позитивную или негативную, если знания являются новыми для спрашивающего и интегрируются в его картину мира. Вопросительное местоимение в системе прономинативных единиц, как пишет Е.Н.Сидоренко, по своей природе противопоставлено всем ответным формам [15, с.46]. Н.Ю. Шведова охарактеризовала смысловые сущности, к которым может обращаться спрашивающий, следующим образом: определенное, осознанное, познанное; неопределенное, не до конца познанное, сомнительное; непознанное, непредставленное или несуществующее. Совершенно естественно на вопрос *Что это?* услышать ответ *Понятия не имею* или *Всё*.

Широкий спектр функциональных «употреблений» прономинатива *что* позволяет в процессе порождения высказывания придавать его значению различные оттенки, поэтому «всякого рода переосмыслениям с соответствующим изменением в употреблении речи чаще всего подвергается именно *что?*» [20, с.10]. Местоимение *что* «сталкивает» две действительности: момента речи, включающую место, время совершения речевого акта, интенции говорящего, и действительность пропозиции. Вопросительному слову свойствен сценарий, охватывающий модальное «пространство» от «способности» ...до «прогноза» относительно реальности описываемой ситуации [21, с.117]. Адресант выбирает точку отсчета для определения модального статуса предложения: побуждение к действию, существующему в том или ином времени, или установление условий выполнения действия. Местоимение *что* совместимо с любым типом модальных отношений, так как, реализуя конституирующий признак вопросительности, *что* может

сосуществовать с дихотомией реальность/ирреальность. В ситуации общения говорящий с помощью *что* запрашивает информацию о каком-либо событии как факте и, следовательно, утверждает его истинность (*А что такое, разве не весело? – Могло быть и повеселее.* [Вампилов]). Поэтому местоимение может представлять смысловые области, определенные в содержании модальных конструкций собственным значением момента речи, и тогда они сопряжены только с действительностью. Напр.: *Что ты делаешь? – Так. Жгу одно послание.* [Вампилов]. Высказывание, согласно требованиям текущего контекста общения, может быть сведено с модальностью возможности (*- Всё-таки, может быть... – Что [может быть]? – Может, мы поедем вместе?* [Вампилов]) или с показателями необходимости, желания (*Что вам от него надо? – Что нам надо? Доверия.* [Вампилов]). Следует сказать, что отрицание не относится к сфере субъективной модальности. «...Отрицание – это обычный оператор, который строит пропозицию, способную быть сферой действия для многих других операторов...» [8, с.310]. Напр.: *- Звонил в три квартиры. – Ну и что? – Никто не открывает* [Вампилов]. В данном случае отрицательная конструкция подтверждает, что знания спрашивающего истинны и что событие имело место.

Местоименное средство выражает соответствие речевого поведения говорящего со степенью достоверности высказывания и регулирует возможность использования других модальных компонентов с оценочной семантикой.

Побуждение к речевому действию связано с оценкой говорящим статуса описываемой ситуации, что входит в сферу субъективной модальности. Но оценочная лексика согласуется с семантикой прономинатива и предиката. *Что* связан с когнитивным модусом, и пропозициональный компонент предиката сочетается со значением прономинатива. Понятие когнитивности развивается и изменяется в тесной связи с быстро развивающейся когнитивной наукой. Мы будем понимать под когнитивностью представление в языке ментальных процессов, приводящих к пониманию (интерпретации) чего-либо. Первичное значение предиката или накладывается на значение *что*, или, как выразился Т.Е.Янко [22], «паразитирует», если оно допускает эмфатический модус. Под эмфатическим модусом мы будем понимать модификацию значения вследствие выражения сильных чувств. Обычно эмфаза поддержана лексическими средствами (импликатурами дискурса) и интонацией. Напр.: *- А что ты придумал? – осторожно осведомился старшина. ... – Всё будет согласно закона...* [Шолохов] – предикат, представленный ментальным глаголом полагания (мнения), соответствует когнитивной семантике вопросительного прономинатива, что предопределяет нейтральный по модальной окраске ответ. В вопросительной конструкции: *Ладно. Что вы в этом смысле?* [Вампилов] – модусный компонент в сочетании с эмфатической семантикой предиката не только задает условия для поиска информации, но и имплицитно выражает суждение автора о происшедшем, тем самым указывая на имеющийся у субъекта «багаж знаний». Н.Д.Арутюнова считает, что «эмоции имеют под собой преимущественно когнитивную основу: они базируются на знаниях и предположениях. Когнитивный компонент в них первичен относительно эмотивного» [23, с.415].

В соответствии с пропозициональной установкой, могут вводиться модальные онкретизаторы, например вводные обороты. Вводные слова с категорической юдальностью, т.е. утверждающие что-либо, невозможны в вопросительном редложении (*к сожалению, честно говоря, несомненно, бесспорно* и др.) из-за их семантики очевидности, несовместимой с семантикой вопроса. Вводные слова, предполагающую модальность, «когда говорящий не утверждает никакого факта, а только сообщает свою догадку» [8, с.314]), так называемую модальность допущения, как бы служат оправданием включения в ответную реплику нефактической информации (*может быть, кажется, по-видимому* и т.п.) [10, с.424-425]. Они корректируют первичную истинностную семантику вопросительного слова, эксплицируя позицию говорящего в ситуации общения по отношению к действительности и собеседнику. Ср.: *Изволь объяснитьсь? Что, интересно, тебе не нравится?* [Вампилов] Для данного высказывания модальный план в ситуации – выяснение достоверности – устанавливается говорящим на основе своих знаний. Использование вводного слова мотивируется ожиданием конкретного ответа, подразумевающего, что ситуация имела место. При осложнении такой вопросительной структуры дополнительными модальными коннотациями неуверенности возникает оппозиция знания и предположения. Ср.: *Изволь объяснитьсь? Что, [возможно, кажется, наверное], тебе не нравится?* или – *Твой папа – его родной отец... - Что [возможно, кажется, наверное] с тобой? Что ты мелешь?* [Вампилов] Некорректность появления показателей, отражающих недостаточную степень уверенности в истинности высказывания, подтверждается контекстным окружением. Утвердительные модели *Изволь объяснитьсь?, Что ты мелешь?*, сопровождающие вопросительные фразы, «не терпят» модальных маркеров ирреальности, так как утверждение как выражение реальности, что и отмечают представители функциональной грамматики, субкатегоризируется всегда по времени. Вопросы делят на два класса – стандартные и с нестандартной семантикой, то есть содержащие вопросительное слово, «но уже по синтаксической структуре не являющиеся вопросами, так как не имеют вопросительного смысла не только в предпочтительной, но и ни в какой интерпретации» [25, с.82]. Нестандартная семантика предложения *Изволь объяснитьсь?* заключается в том, что оно используется не с информативной функцией, а в функции управления. Вопросительное предложение задает предварительные условия осуществления ситуации, оно называет будущую ситуацию и относится к вопросам – просьбам [26, с.16]. *Что ты мелешь?* является риторическим вопросом. По Е.В.Падучевой, такая модель равнозначна утверждению, потому что вопросительное местоимение можно заменить «на отрицательное, при этом обязательно добавив *не* к сказуемому». [8, с.306]. Поэтому, анализируя различные типы вопросительных структур, Е.В.Падучева, И.М.Кобозева и др. отмечают ограничение на употребление вводных слов. В то же время указание на вероятность события – в контексте «сущего в возможности» – позволяет использовать все члены модальной парадигмы «ирреальность». А.В.Зеленщиков вводит понятия «креативность» и «дескриптивность». Под креативностью понимает такой смысл высказывания, который имеет отношение к определению возможности (или необходимости)

реализации определенного положения дел. Дескриптивность предложения обозначает достоверность высказанной мысли с установлением степени истинности сказанного относительно описываемой ситуации. Креативный смысл всегда образуется в контексте «сущего в возможности», а «дескриптивный» – в контексте «сущего в действительности» [21, с.127]. Напр.: *Что бы я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?* [Вампилов] В ситуацию «текущего» времени включена модель «возможного ретроспективного или проспективного действия», что определяет форму субъективного наклонения предиката. Модальность возможности в таких структурах, по мнению В.Г.Гака, остается характеристикой субъекта предложения и принадлежит к модальности диктума, под которой понимается «отношение сообщаемого к действительности с точки зрения говорящего» [24, с.558]. Ситуация общения может осложняться модальными операторами, допустимыми только в контексте данного диктума. Поэтому, используя классификацию Е.В.Падучевой, в подобных речевых действиях возможны эгоцентрические элементы не синтаксической, а семантической ориентации.

Структура: *Что бы я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?* – не согласуется с вводными словами модуса категорической достоверности (ср.: *Что бы (к счастью, безусловно, разумеется) я сделал?.. Ну известное дело. Я бы тебя застрелил. Или бы задушил. Ты что предпочитаешь?*), но зато употребляется с модальными операторами, оставляющими говорящему, по образному выражению Н.Д.Арутюновой, свободу «отречения» [22, с.412]. Е.В.Падучева называет вводные слова типа *наверное, по-видимому, кажется* – словами нейтральной модальности [8, с.314], Г.А.Золотова – словами со значением проблематической достоверности [10, с. 424], а Н.Д.Арутюнова – словами «парентетической позиции».

Рассмотрев общее семантическое значение вопросительного местоимения *что*, мы определили, что модальная характеристика значения предметности включает все смысловое поле реальности (с познанным, не до конца познанным и непознанным или несуществующим) и формы ирреальности: гипотетичность, предположение, возможность. Прототипическое (базовое, первичное) значение местоимения отражает согласованность коммуникативного пространства с объективным миром. Частные значения местоимения *что* с категориальным значением предметности представляют все возможные миры, совместимые с пропозициональными установками субъекта речи. Напр.: *Что ты на этот счет думаешь, Микола? – Я бы хотел знать, а не строить догадки...* [Шолохов]; *Что тебе от меня надо? – Надо, чтобы ты не сходил с ума* [Вампилов] – объединены разные точки зрения относительно определенного положения дел в действительном мире: в первом случае частное значение прономинатива репрезентирует в пропозицию вопроса существующее положение дел, в другом – нечто, подлежащее осуществлению. Каждое из частных значений вопросительного прономинатива *что*, как мы видим, базируется на отношениях соположения объективного и субъективного в семантике диктума и специфицирует использование модусных компонентов.

В нарративном тексте эксплицитный модус свидетельствует о «диалогизированности монолога» [10, с.322; 23, с.411]. Изъяснительные конструкции с союзом *что*, вследствие раздельного вербального обозначения пропозиции и модуса, максимально приближены к коммуникативному диалогическому режиму. Связано это, по нашему мнению, с тем, что союзное средство, являющееся пограничным знаком в семантической структуре предложения, восходит к языковой единице, чье коммуникативное назначение – создавать пространство диалога. Как вопросительное местоимение *что* способствует накоплению знаний на основе основополагающих понятий физического и ментального мира, так союз связывает энциклопедические знания субъекта, представленные предикативным центром придаточной части предложения, с субъектной сферой (внутренней точкой зрения, по Г.А.Золотовой) говорящего. Напр.: *Я не знал, что ты живой* [Вампилов] – существующее положение дел в конкретный момент бытия не соответствовало системе знаний субъекта речи. Союз не просто осуществляет переход от авторского незнания к реальному событию, но и постулирует отношение говорящего к содержанию высказывания. Н.Д.Арутюнова в своих исследованиях отмечает раздельное существование категорий модуса и пропозиционального отношения. Она называет функцией модуса отношение содержания высказывания к действительности, а вот под пропозициональным отношением понимает прежде всего способность установить связь между говорящим субъектом и пропозицией [23, с.408]. В синтаксическом поле предложения этой способностью, по нашему мнению, обладает союз. Выражение пропозиционального отношения и будет основным значением изъяснительного союза *что*. Таким образом, модус, представленный предикатной группой главной части предложения, и пропозициональное отношение, эксплицитированное союзом *что*, в сочетании с возможными модальными конкретизаторами создают субъектную сферу смыслового поля предложения. Мы наблюдаем первое проявление «фамильного сходства» трансформанта и исходного слова, а именно: оба выступают выразителями коммуникативной стратегии говорящего.

На следующем этапе анализа семантической структуры союза *что* мы будем апеллировать к диктуму изъяснительных структур, таким образом представляя, с ориентацией на «материнскую лексему», смысловые сущности, осознанные человеком в процессе онтогенеза. Это могут быть события объективные, безальтернативные (*Поздно вечером он явился и объявил мне, что уезжает* [Вампилов]), могут быть персонализированные (*Ты не рад, что я пришла...* [Вампилов]). При этом союз, вследствие генетической зависимости от исходного слова (контаминации в структуре прономинатива модусных и диктумных компонентов), требует при соединении частей сложноподчиненного предложения выполнения некоторых обязательств, нарушение которых ведет к деформации семантико-синтаксической конструкции. Эти обязательства включают модальный паритет модуса и пропозиции.

По Дж.Серлю, каждый из основных категорий иллокутивных актов – ассертивы, директивы, декларации, комиссивы и экспрессивы представляют

условия их выполнимости, в соответствии с представлением существующего положения дел в мире [27]. Ассертивы (к которым и относятся сложноподчиненные предложения с изъяснительным союзом *что*) характеризуют утверждение как истинное или ложное. Выбор той или иной формы служит одной цели – идентичности сказанного и понятого. Говорящий, в соответствии с «планом» (пропозициональным концептом) создает пропозицию [21]. Модальность используется как потенциальная характеристика субъекта и для характеристики описываемого положения дел. Так как одно и то же положение дел может быть представлено пропозицией в субъектной интерпретации, то можно говорить о семантическом инварианте пропозиции для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений [28, с.401].

Если действительный мир является миром, совместимым с пропозициональной установкой знания говорящего, то можно говорить о реальной модальности. Субъект речи отвечает за истинность своих слов. В таких случаях диктумная информация согласуется с помощью *что* с предикатами ментальных действий: мнения (... *считается, что инцидент исчерпан* [Вампилов]); знания (*Я знал, что ты не будешь упорствовать* [Вампилов]); общей аксиологической оценки (*Нехорошо, друзья мои, что других вы считаете глупее себя* [Вампилов]); истинностной оценки (*На свадьбе стало ясно, что не сошлись характерами* [Вампилов]) и др.; перцептивного плана (*А потом я почувствовала, что мне все равно, женат ты или нет* [Вампилов]); эмотивного плана (*Жаль, что мой отец не академик...* [Вампилов]) (классификация Н.Д.Арутюновой). Утверждение описываемого положения дел допускает импликацию дискурса категорической модальности. Напр.: *По крайней мере, он точно знает, что ему в жизни надо; Конечно, прискорбно, что в диссертации будет изъян, – скажут: мало фактов* [Гранин] – вводные единицы *по крайней мере, конечно* отражают жизненный опыт, очевидную логику события и этим предвзвешивают возможные возражения. Как мы видим, союз не агрессивен, в отличие от исходного слова, к словам модальности категорической достоверности из-за преобразований в семантической структуре функционального омонима, а именно ядерная сема выражает пропозициональное отношение, а не запрашивает информацию.

Если в представлении говорящего сосуществуют несколько миров и с действительным миром сопоставим только один, то говорят о проблематичности, о предположительности, отсутствии полной убежденности в истинности пропозиции. В таких случаях вводится модальный компонент ирреальности. А.В.Зеленщиков понимает под ирреальностью свободу выбора мира интерпретации, не ограниченную действительным миром [21, с.129]. Ирреальность может быть представлена понятиями возможность и необходимость. Возможное – это обычно потенциально существующее или осуществимое в действительном мире. Оно предполагает сосуществование возможного и действительного. Ср.: *Но мне кажется, что мы с тобой еще встретимся* [Вампилов], – ситуация не утверждается как статичная, а квалифицируется, в соответствии со способом ее осуществления: *еще встретимся*. Таким образом, возможность существования данной ситуации в действительности – утверждение истинности каких-либо

способов ее реализации. Мы видим, что модальный статус предположения в сложноподчиненных изъяснительных конструкциях отражает функциональное родство исследуемых нами языковых единиц, так как сохраняет их способность представлять пропозицию-диктум с точки зрения возможности (вероятности), вследствие существования условий для экспликации истинного положения дел. По нашему мнению, модальность возможности выражается следующими формулами – «был в состоянии сделать», «хотел, но не стал».

Необходимость, наоборот, соответствует формуле «хотел, но не смог». Необходимость –и причина, и следствие. Поэтому причина может служить объяснением отклонения от истины. Модусная семантика необходимости в смысловом поле предложения модифицирует пропозицию, отлучая ее от информативного ряда, созданного человеческим знанием. Ср.: *Необходимо, чтобы ты пришел*, – сообщается о существовании объективных препятствий, об отсутствии свободы выбора действий и тем самым отрицается реализация этих действий. Следовательно, субъектная категория желательности не может объективно отражать истинное положение дел, что нарушает условия, приемлемые для союза *что*. Подобные нарушения связи между знаниями о мире говорящего и самим миром с его законами и установками не согласуются с семантикой союза *что*, как мы считаем, из-за идентичности восприятия союзом и исходным прономинативом смыслового поля реальности.

Итак, конфигурации «индивидуальных» семантических значений союза *что* вокруг общего значения пропозиционального отношения регламентируются семным компонентом «материнской» лексемы, сохранившимся в семантической структуре трансформанта. Он обуславливает употребление союза только в структурах, представляющих непосредственную связь знаний говорящего с событиями действительного мира. Использование союза невозможно, если модус высказывания на разных основаниях допускает почти существование ситуации как принадлежности действительного мира.

Список литературы

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. шк., 1986. – 160 с.; Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // *Вопр. языкознания*. – 2000. – №4. – С.56-68; Современный русский язык: В 3 ч. – Словообразование. Морфология. / Н.М.Шанский, А.Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1981. – Ч.1. – 192 с.; Ч.2. – 270 с.; Современный русский язык / В.А.Белошапкова, Е.А.Брызгунова, Е.А.Земская и др.; Под ред. В.А.Белошапковой. – 3-е изд., испр. доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 928 с. и др.
2. Преображенская М.Н. Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI – XVII вв (сложноподчиненное предложение). – М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. – 300 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А.Золотова. – 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 440 с.
5. Рогожников Р.П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – М., 1974. – 25 с.
6. Киселев И.А. Служебные слова в системе частей речи // *Исследования по лексике и грамматике*. – Минск, 1979. – С.46-54.
7. Черкасова Е.Т. Русские союзы неместоименного происхождения / Пути и способы их образования. – Москва: Наука, 1973. – 222 с.

8. Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке, Семантика нарратива). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
10. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.
11. Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. – М.: Русские словари, 2000. – 376 с.
12. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании на материале славянских языков / Отв. ред. В.Н.Топоров. – М.:Наука, 1985. – 169 с.
13. Крейдлин Г.Е. Лексема *даже* // Семиотика и информатика: Сб. научных ст.– М.: Языки русской культуры, Русские словари, 1997. – Вып. 35. – С.108-121.
14. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С.Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
15. Сидоренко Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. – Киев – Одесса: Лыбидь, 1990. – 148 с.
16. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М., 1955.
17. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика / Сб. научных ст. – М.: Языки русской культуры, Русские словари, 1997. – Вып.35. – С. 351-380.
18. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
19. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. – 120 с.
20. Ардентов Б. П. “Что” в современном русском языке. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 90 с.
21. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. – 244 с.
22. Янко Т.Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // Вопр. языкознания. – 1999. – №4. – С.28-55.
23. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
24. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
25. Падучева Е.В. Вопросительные местоимения и семантика вопроса // Разработка формальной модели естественного языка. – Новосибирск, 1981. – С. 80-105.
26. Почепцов Г.Г. (мл.) Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те изд. объединения «Вища школа», 1987. – 132 с.
27. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С.195-222.
28. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.